

КОЛЬЦОВА

ИХ БЫЛО ТРОЕ — ГЕРОЙ, СИБАРИТ И ТИХОНЯ

Борис Ефимов в свои 103 года выглядит на все сто

жизни был гораздо безопаснее. Кольцов со своими непрерывными перелетами, десятком журналов и книжных серий, которые он придумывал и редактировал, был взят в тридцать восьмом. А Ильф умер своей смертью — от туберкулеза, а Петров погиб, возвращаясь с фронта, а Ефимов здравствует до сих пор, дай Бог ему здоровья: меньше надо в России суетиться.

Или, бывало, звонит Борис Ефимов брату. Семь часов утра. А домработница ему в ответ: «Да что вы, Борис Ефимович! Михаил Ефимович с самого ранья уехали. В какую-то комму-трудовую на собрание. Вернулся из редакции ночью, а уже к полседьмому машину подали. Почитай, и не спал вовсе!»

В 1923 году Кольцов возобновил издание дореволюционного иллюстрированного еженедельника «Огонек» и стал его первым редактором. Борис Ефимов: «Помню дружескую, ни для кого не обидную тесноту крохотной редакции в Козицком переулке. В одной комнате — и редактор, и его заместитель, и секретарь, и немногочисленный «аппарат» редакции, и неубывающий поток авторского коллектива. Писатели, журналисты, поэты, художники, фотографы. Но есть фигура, которую заметишь в любой толчее: входит Владимир Маяковский.

— Здорово, Колечкин! Зашел на «Огонек».
— Спасибо, Володя. Принес?
— Принес.
Маяковский читает написанное им

для первого номера стихотворение. Воцаряется тишина. Это — знаменитое «Не верим!». «Разве жар такой термометрами меряется? Разве пульс такой секундами гудит? Вечно будет ленинское сердце kloкотать у революции в груди!»

— Борис Ефимович, а правда, что ваш брат работал на советскую разведку?

— Кто его знает. Тогда многие работали на разведку.

— А что он на самом деле делал в Испании?

— А вы почитайте «Испанский дневник», там же все ясно сказано — он делал репортажи о войне.

Одно из будущих обвинений Кольцова — «трусость, пораженчество и антисоветские преступления во время гражданской войны в Испании». Насчет трусости — довольно странно. Кольцова в Испанию послала «Правда». Он лежал в степи под Талаверой, участвовал в штурме Алькасар, присутствовал на совещаниях ЦК и инструктировал волонтеров интербригад. Что такое интербригады? По сути — наемники. Кто-то шел туда по идейным соображениям, как, например, Хемингуэй, некоторые просто хотели заработать.

Кстати, Хемингуэй много вспоминал о Кольцове (выведенном в «Колоколе» под личиной Карков — это была фамилия переводчика с английского, состоявшего с Хэмом в переписке; едва ли не единственная русская фамилия, достоверно известная писателю). Хэм был все-таки мастер, он оставил нам самый достоверный кольцовский портрет: крошечный рост, кукольные ручки

и ножки, изжелта-бледное лицо, снобоватые, пренебрежительные манеры — острит сквозь зубы, слова словно выплевывает, слегка пришепетывая... Оба друг перед другом сильно форсили — гигантский мачо Хэм, перелюбивший всех журналисток, аккредитованных в Мадриде, каждый день надирающийся в барах полуразрушенных бомбежками отелей, и сдержанный, язвительный Кольцов, облеченный в Испании какой-то странной властью, явно большей, чем власть военного корреспондента. Хэм зауважал его и сблизился с ним на почве общего презрения к смерти: Кольцов на случай пленения носил в воротнике ампулу с цианидом. Хэма мучительно притягивала самурайская готовность к самоубийству, они с Кольцовым долго и со вкусом обсуждали, как сделать это быстрее и лучше, когда попадешься в плен или почувствуешь приближение старости... Есть в «Колоколе» мощная сцена, в которой Кольцов-Карков осаживает чересчур ретивого коммуяку, который, будь его воля, всех своих бы пересажал и перестрелял. Кольцов не был похож на стандартного, упорного коммуниста тех времен. Хемингуэй — сам в прошлом классный газетчик — полюбил его настолько, что назвал лучшим из людей, встреченных в Испании.

Кольцов из-за Испании и погиб. Не в Мадриде и в горах, а в России. Все по песне Окуджавы: «Чужой промахнется, а свой в своего всегда попадет». Как известно, Сталин никогда не признавал собственных ошибок. Чем серьезнее они были, тем яростнее гневался он на людей, выполняющих его ошибочные замыслы. Идея остановить франкистский мятеж, поддержанный Гитлером и Муссолини, и создать в Испании базу для развития мировой революции, — была изначально обречена. После трехлетней гражданской войны, когда генерал Франко одержал победу и установил в стране полный контроль, Сталин обрушил ярость на всех, кого посчитал виновным в крушении своих замыслов. В их числе оказался и Михаил Кольцов.

«По возвращении брата из Испании внешне как будто ничего не изменилось — он оставался одним из редакторов «Правды», председателем иностранной комиссии Союза писателей, руководителем «Жургаза», редактором «Огонька», «Крокодила» и «За рубежом», сохранял все другие свои посты. Больше того, летом тридцать восьмого он был избран депутатом Верховного Совета и несколько позже — членом-корреспондентом Академии наук СССР. И все же».

Вот Кольцов отчитывается Сталину об Испании. Вопросы и подробные ответы заняли больше трех часов. Наконец беседа подошла к концу. И тут, — рассказывал Михаил брату, — он стал как-то чудить. Встал из-за стола, прижал руку к сердцу, поклонился. «Как вас надо величать по-испански? Мигуэль, что ли?» — «Мигель, товарищ Сталин», — ответил я. «Ну так вот, дон Мигель. Мы, благородные испанцы, сердечно благодарим вас за ваш интересный доклад. Всего хорошего, дон Мигель! До свидания». — «Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин!» Я направился к двери, но тут он снова меня окликнул, и произошел какой-то странный разговор. «У вас есть револьвер, товарищ Кольцов?» — спросил он. «Есть, товарищ Сталин», — удивленно отвечал я. «Но вы не собираетесь из него застрелиться?» — «Конечно, нет, — еще более удивляясь, ответил я, — и в мыслях не имею». — «Ну, вот и отлично!» — сказал он. — Отлично! Еще раз спасибо, товарищ Кольцов. До свидания, дон Мигель!»

13 декабря 1938 года Михаил

Кольцов был арестован. После триумфального доклада в Союзе писателей.

В сталинских застенках применялись изобретательные способы допросов. Например, на глазах бывших революционеров-ленинцев пьяные следователи насиловали их жен и дочерей. Надевали специальные сандалии на деревянной подошве с железной подковкой, чтобы оттапывать половые органы заключенным. Неизвестно, каким именно допросам подвергался Михаил Кольцов, однако через три месяца он признался «во всем». Рассказал, в частности, что был завербован во французскую разведку писателем Андре Мальро, с которым, в свою очередь, его познакомил Эренбург. Что Зозуля (старый, верный друг Кольцова) «культивировал» в «Огоньке» аполитичные, мелкобуржуазные рассказы, очерки и статьи. Что Мария Остен (третья жена Кольцова, убежденная коммунистка, искательница приключений, разошедшаяся с ним накануне Испания) была немецкой шпионкой. И так далее.

В протоколах допросов наблюдается странная вещь: Кольцов из всех сил старается оговорить знакомых ему людей и, прежде всего, самого себя. Видимо, таким образом он пытается «переиграть» следствие, давая совершенно абсурдные и легко опровергаемые, на его взгляд, сведения. Он надеялся, что на предстоящем процессе сможет убедительно доказать свою невиновность. Как оказалось, это было заблуждением, повлекшим за собой многочисленные аресты.

Кольцова продержали во внутренней тюрьме 416 дней с момента ареста до расстрела. Только раз вывели в Лефортово, где происходило судилище. Весь «процесс» длился не более двадцати минут. Дорога от Лубянки до Лефортова заняла больше времени. 2 февраля 1940 года Михаила Кольцова расстреляли.

Брату же объявили, что приговор Кольцова — «десять лет без права переписки». Все это время Борис Ефимов жил в качестве ЧСИРа (члена семьи изменника родины). «Единственной ниточкой, которая связывала меня с Мишей, и единственным признаком его существования был прием денежных передач. Еще и сейчас, через много лет, проходя через извилистый двор, соединяющий Кузнецкий мост с Пушкин-

ной улицей, я испытываю тягостное ощущение, когда вижу невзрачную дверь, некогда обозначенную мало-выразительной надписью «Помещение № 1». Именно сюда я приходил аккуратно три раза в месяц и вносил на имя Кольцова Михаила Ефимовича установленную сумму. Расписывался и получал квитанцию». Деньги, как выяснилось через пятьдесят лет, Кольцову давно уже были не нужны.

Однако разговор о братьях Фридляндах будет неполным, если не вспомнить еще одного родственника — двоюродного брата, Семена Фридлянда. В 1925 году по приглашению Михаила Кольцова он переезжает из Одессы в Москву и начинает работать в «Огоньке» фоторепортером. Из братьев Фридляндов Семена Осиповича можно назвать самым своеобразным. Он быстро понял, что гораздо лучше быть «хорошо побритым во втором ряду», и отложил перо, чтобы целиком сосредоточиться на фотокамере. Единственное, что позволял — это немного «живой» репортажности в классической постановочной фотографии. История с братом Михаилом почти никак не затронула Семена Фридлянда. Естественно, были разговоры, косые взгляды, но не более того. Когда после смерти Сталина началась массовая реабилитация, они вдвоем с Борисом Ефимовым пытались разыскать Кольцова в недрах ГУЛАГа. До самого 1956 года никто так и не называл им истинной даты смерти Кольцова, его судьба замалчивалась: пытаться надеждой и неизвестностью «органы» не только умели, но и находили в этом особенное острое наслаждение.

Двумя главными заповедями мастера фотоискусства Семена Фридлянда были: «Не видишь кадра — не нажимай на кнопку» и «Если сделаешь быстро, но плохо, никто не вспомнит, что быстро, а запомнит, что плохо. И наоборот — если долго, но хорошо, запомнят последнее».

Самое же странное, что Борис Ефимов о своем двоюродном брате сказал следующее: «Знаете, к сожалению, о Семене я вам ничего не расскажу. Почему? А просто не помню».

Вот так.

Энергичный молодой человек в очках — Михаил Кольцов. После заседания в Доме печати он мчался на аэродром. Через день оказывался в зале Верховного Суда в Лейпциге. Еще через день — в сердце гитлеровского рейха, на берлинской улице Вильгельмштрассе